

Как бы то ни было, барышня Ван славилась воистину буддийским милосердием. Не в силах смотреть, как этот несчастный юнец губит свою жизнь на самом дне, она попросила управляющего подыскать ему хоть какую-то работу в поместье.

Да только горбатого могила исправит — этот неблагодарный оборванец и не думал браться за ум. Своими грязными, лоснящимися от ворованной жирной рульки ручищами он бесцеремонно вцепился в изысканный головной убор барышни, сорвал заколки с жемчугом и бросился наутёк, надеясь сбыть их ради кружки дешёвого вина. Слуги тут же скрутили наглеца, выволокли во двор, отходили палками так, что живого места не осталось, и вышвырнули за ворота.

Очутившись в пыли у задней калитки, попрошайка немного поохал для приличия. Но, сообразив, что жалеть его никто не собирается, он привычным движением вправил себе выбитую челюсть, кое-как подтащил избитые, сочащиеся кровью ноги к углу стены, укутался в клочок драной циновки и в ту же секунду заснул мертвецким сном, оглашая окрестности богатырским храпом.

Очнулся он лишь на следующий день к полудню. На улице стоял невообразимый гвалт. Разбуженный шумом Шитоу, пребывая в прескверном расположении духа, знатно обругал спавшего под боком собрата по нищенскому ремеслу. С трудом поднявшись на ноги и опираясь о стену, он, сильно прихрамывая, поковылял к ломбарду. Загнав там несколько утаённых вчера жемчужин и осколков нефрита, бродяга разжился парой пресных лепёшек.

Прохиндей довольно прищурился и принялся отщипывать от лепёшки по кусочку, делясь с крутившейся рядом голодной дворнягой. Увлёкшись этим занятием, он и сам не заметил, как скормил псу вторую лепёшку целиком.

Сытая собака блаженно развалилась в пыли, подставив тёплое пузо, и ласково ткнулась мокрым носом ему в щёку, тихонько заскулив. Шитоу от избытка чувств сгрёб животное в охапку и принялся покрывать его морду звонкими поцелуями, вызвав у прохожих волну брезгливого фырканья.

— И вот это ничтожество ещё заливало, будто его сам небожитель помогался...

— Неужели ты всерьёз веришь его бредням?

— Глаза бы мои не видели, тьфу! Нечего тут стоять, только взоры осквернять. Лучше пойдём скорее к Храму Небесного Божества, на настоящих бессмертных поглядим!

— Послушай, а думаешь, истинные совершенствующиеся и впрямь явятся?

— Даже если явятся, на твоего Гоуданьцзы они и не взглянут!

Голоса зевак постепенно затихали вдали. Сидевший у обочины оборванец вдруг шевельнулся и резко вытянул испачканную в грязи ногу, подставив подножку пробежавшему мимо мальчугану.

Малыш обиженно надул губы, собираясь завывать во всё горло, но Шитоу мгновенно зажал ему рот ладонью. От руки нищего несло таким зловонием, что у несчастного ребёнка из глаз брызнули слёзы.

— Ты чего реветь вздумал? — завозмущался Шитоу, скорчив недовольную мину. — Я тут его спросить кое о чём хочу, а он сопли распустил! Не смей плакать!

Но мальчишка разрыдался ещё громче, плюхнулся на землю и принялся истошно звать матушку.

— А ну цыц! — пригрозил оборванец, шутливо схватив мальчишку за шкуру. — Ещё хоть один писк издашь — живьём шкуру спущу и сожру без соли!

— Врёшь, не сожрёшь, — всхлипнул тот. — Матушка говорила, ты всего лишь паршивый мясник со скотобойни.

Шитоу на мгновение лишился дара речи.

— Вот именно, я прирождённый мясник! — опомнившись, зловеще прошептал он. — И моё мастерство разделки туш не знает равных. Так что помалкивай, а не то сначала ошпарю тебя кипятком, пока ты ещё дышишь, а потом обдеру до костей и сварю отменную похлёбку из твоих потрохов!

Ребёнок от таких красочных подробностей совсем обомлел. Он испуганно уставился на бродягу, приоткрыв рот и не смея вымолвить ни слова.

— Вот так-то лучше, умница, — самодовольно ухмыльнулся Шитоу и ловко запихнул ему в рот дешёвый леденец. — Скажи-ка мне, малец, ты тоже в тот полуразрушенный храм на бессмертных глазеть собрался?

— Это не просто бессмертные, а истинные мастера из школы Цаншань! — мгновенно подобрел мальчишка, перекатывая за щекой сладкое угощение. — Матушка твердит, если у меня найдут духовные кости и заберут с собой, то мне суждено подняться на небеса.

Шитоу картинно вытаращил глаза, демонстративно ковыряя пальцем в ухе:

— И ты уверен, что это школа Цаншань? Может, всё-таки школа Улин?

— Точно-точно! Разве можно их перепутать? Они же совсем по-разному звучат! — разгорячился малец. — Всё, мне пора бежать к маме, она запрещала мне с тобой болтать!

— Да постой ты, егоза, — Шитоу уцепился за его рукав. — Возьми меня с собой! Раз уж туда пожалуют такие важные господа, подношений там наверняка соберётся уйма, на всех хватит.

Мальчик окинул его скептическим взглядом и фыркнул:

— Какой ты мне брат? Ты же форменный дед!

Вспылив, Шитоу подскочил и попытался дать паршивцу пинка, но не удержал равновесия, подвернул ногу и со всего маху растянулся прямо в придорожной грязи.

— Ах ты негодник, убью! — взвыл он из пыли.

Мальчишка уже задал стрекача. Оборванец кинулся было в погоню, но тут кто-то наступил ему на подол рваного халата. Это был прохожий книжник, судя по одежде — приезжий. Шитоу снова пропахал носом землю.

— Твою ж насквозь... — разразился бы руганью бродяга, да только обернулся, глянул на обидчика — и в тот же миг у него душа ушла в пятки. Лицо книжника показалось ему до ужаса знакомым. — Ты... Ты же тот самый!..

Чистое, холёное лицо книжника выразило крайнее недоумение:

— Почтенный, разве мы знакомы?

— Нет-нет, обознался, в глаза не видел! — затараторил Шитоу, отмахиваясь руками. — Ты ведь тоже в Храм Небесного Божества за благословением спешишь? Иди-иди, это на восток, доброго пути, не смею задерживать!

С этими словами он попытался уползти на четвереньках. Однако книжник нахмурил благородные брови и лёгким взмахом складного веера преградил ему дорогу:

— Погоди-ка. Пригляделся я — и впрямь лицо твоё кажется мне знакомым. Знаешь что, пойдём-ка со мной, покажемся моему наставнику...

— Не пойду! Хоть режьте, не пойду! — Шитоу мельком глянул на подвеску веера. У основания изящной нефритовой капли размером с мизинец золотой канителью был вышит иероглиф «У». От этого зрелища бродяга едва не лишился чувств. Он с маху рухнул на колени:

— Господин хороший, пощадите ничтожного бродягу! У меня ни роду, ни племени, питаюсь я собачьим дерьмом, изо рта один смрад — один ваш взгляд на меня осквернит ваши великолепные сапоги!

Парень слушал эти путанные и донельзя мерзкие излияния с нарастающим отвращением. Поморщившись, он перехватил веер обратной стороной, коснулся его ребром макушки оборванца и негромко произнёс: «Замри!»

В то же мгновение Заклятие Обездвиживания сковало тело нищего. Он застыл на месте как вкопанный, с разинутым ртом, неспособный издать ни звука.

Книжник вежливо прижал кулак к ладони:

— Прости за грубость, братец, но у меня действительно неотложные дела. Постой здесь и никуда не уходи, я вернусь примерно через четверть часа и решу, что с тобой делать.

С этими словами он поспешно удалился в восточном направлении.

Шитоу проводил его выпученными глазами. Стоило силуэту скрыться за поворотом, как бродяга с шумом выдохнул, преспокойно опустил якобы занемевшие руки и со всех ног припустил на запад. Вломившись в двери Агентства сопровождения Сюй, он заорал во всё горло:

— Глава сопровождения Сюй! Глава сопровождения Сюй! Встречай своего кормильца и благодетеля!

Сюй Фулинь, едва вернувшийся с выполненного заказа, как раз снимал доспехи на заднем дворе. Услышав этот неистовый ор, он вышел навстречу незваному гостю прямо в исподнем и прикрикнул:

— Опять ты, шелудивый пёс! Чего разорался на весь уезд?

— Твой драгоценный папаша принёс тебе прибыльное дело, — развязно ухмыльнулся Шитоу. — А ну, падай на колени и благодари за щедрость!

Сюй Фулинь сплюнул под ноги:

— И куда тебя на сей раз черти несут? Медяк-то хоть в кармане завалялся, голодранец?

— Обижаешь, какой там медяк! — фыркнул Шитоу. Он выудил из-за пазухи обычный речной булыжник, с размаху шлёпнул его на стол перед хозяином агентства, паясничая, сложил пальцы в колдовской жест и зычно скомандовал: — Заклятие превращения камня в золото!

Явись, десяток золотых лянов!

Сюй Фулинь прикрыл ладонью лицо, качая головой:

— Рехнулся ты окончательно, парень, прости господи.

Нищий вызывающе вскинул подбородок, сменил положение пальцев и выкрикнул с пущей важностью:

— Метод бессмертных! Обернись чистым золотом весом в десять лянов!

Сюй Фулинь так и покатился со смеху:

— С такими пассами тебе только баб в весёлых домах щупать, а не чары наводить.

Он потянулся к булыжнику, собираясь вышвырнуть его на улицу, но стоило его пальцам коснуться шершавой поверхности, как каменная крошка осыпалась мелкой пылью, обнажив под собой ослепительный блеск.

Шитоу ехидно прыснул. Лицо старого воина мгновенно изменилось. Он торопливо сгрёб находку обеими руками, тщательно обтёр от налипшего мусора и замер в изумлении. На его ладони лежал увесистый слиток настоящего, червонного золота. Попробовал на вес — точно, не меньше десяти лянов.

— Ах ты шельма... — пробормотал ошарашенный Сюй Фулинь. — И когда только успел фокусу этому выучиться?

— Какие ещё фокусы? Это истинное даосское чудо, — горделиво заявил бродяга. Он ловко, точно обезьяна, запрыгнул на прилавок, но тут же взвыл от боли, потревожив свежие раны на ягодицах. Кое-как уютившись, он запанибратски привлёк старого Сюя за плечо: — Ну так что, сынок? Твой папаша предлагает дело. Берёшься или как?

Мышцы на лице Сюй Фулиня мелко задрожали, но он тут же расплылся в подобострастной улыбке:

— О чём речь, почтенный Шитоу! Для дорогого гостя — любые услуги. Куда изволите держать путь на сей раз?

— На край света! Хоть на северные кручи, хоть в южные дебри! — Шитоу вальяжно покрутил пальцами, но в следующее мгновение резко переменялся в лице и запричитал навзрыд: — Главное — подальше от проклятой школы Улин! Туда, где духом её не пахнет! Где ни один их бессмертный адепт меня вовек не сыщет, даже если землю носом рыть будет!

Сюй Фулинь вздохнул, сочувственно покачав головой:

— Понятно... Опять тебе те бесстыжие сны снятся, будто тебя небожитель из Улина силой домогался.

— Да какие к чертям сны! — взвыл бродяга, размазывая по лицу слёзы вперемешку с соплями.
— Этот высокомерный мерзавец, пользуясь своим превосходством, связал меня по рукам и ногам и бросил на ложе! А потом давай раздеваться у меня на глазах! Сбросил своё роскошное абрикосово-жёлтое одеяние с вышитыми золотой нитью журавлями, сорвал с головы венец из зелёного нефрита... Рассыпал свои длинные шелковистые волосы по моей груди, протянул свои загребушие лапы к моему паху...

— Да замолчи ты ради всего святого! — взмолился не выдержавший этой исповеди Сюй Фулинь. — Ладно, ладно, берусь я за твой заказ! Мой оболтус Хунвэнь как раз подрядился доставить груз для школы Цаншань на остров Пэнлай. И везти его нужно втайне от адептов Улина. Я могу оформить тебя как ценный товар в том же обозе. Пойдёт?

— Идёт! Ещё как идёт! — Шитоу мгновенно утёр слёзы, обеими руками обхватил обветренное лицо Сюй Фулиня и с сочным звуком поцеловал его прямо в щёку. — Обожаю тебя, мой ненаглядный господин Сюй! — пропел он приторно-сладким голоском.

Лицо старого воина окрасилось сначала багровым, затем посинело, позеленело и наконец сделалось мертвенно-бледным. Он судорожно ухватился за край стола и разразился истошным, протяжным рвотным позывом.

<http://bllate.org/book/18360/1798404>